

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, РАСПАД ИМПЕРИЙ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МИРА КАК ПРЕДМЕТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ. Вступительное слово

Журавлева Виктория Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Павленко Ольга Вячеславовна — кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, первый проректор-проректор по научной работе Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: olgapavlenko@mail.ru

Аннотация. В тематический номер журнала вошли статьи, подготовленные участниками международной научной конференции, которая проходила в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) в марте 2018 г. Авторы сосредоточили свое внимание на обсуждении проблем войны и революций как контекста разрушения континентальных империй, преемственности и разрывов в имперском пространстве, на соотношении национальной и имперской идентичностей, на экспорте идей и политических стратегий в ходе трансформации государственного устройства.

Распад четырех многонациональных империй — Австро-Венгерской, Российской, Германской и Османской — рассматривается сквозь призму факторов внутренних и внешних, субъективных и объективных, закономерных и случайных. Кроме того, предметом академической рефлексии становятся аспекты, связанные с удержанием России в войне после Февральской революции, с решением большевиков о ее выходе из военных действий и заключении Брест-Литовского мира, с выработкой новой «русской политики» Запада, которые остаются центральными при изучении завершающего этапа Первой мировой войны. Послевоенное устройство Европы и новые принципы международных отношений обсуждаются на страницах номера в связи с формированием зон перманентной конфликтности, а также программы мира, предложенной президентом Вудро Вильсоном.

Международная конференция в РГГУ и представленные по ее итогам публикации продемонстрировали многообразие подходов к изучению различных аспектов Первой мировой войны в современной российской и зарубежной историографии. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения геополитических, социокультурных и экономических последствий мирового конфликта на основе достижений национальных историографических школ, введения в научный оборот новых источников и использования междисциплинарных исследовательских практик.

Ключевые слова: Первая мировая война, распад империй, Русская революция, экспорт революции, послевоенное устройство, «14 пунктов» Вудро Вильсона, Российская империя, Австро-Венгерская империя, Германская империя, Османская империя.

V. I. Zhuravleva, O. V. Pavlenko

World War I, the Collapse of Empires, and the Post-War Settlement of the World in Academic Representations. Introduction

Victoriya Zhuravleva, Chair of the American Studies Department, Faculty of International Relations and Area Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Olga Pavlenko, Chair of the Department of Area Studies and International Relations, Faculty of International Relations and Area Studies, First Vice-Rector-Vice-Rector for Academic Affairs of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: olgapavlenko@mail.ru

Abstract. The journal's topical issue includes articles by the participants of the international academic conference that took place at the Russian State University of the Humanities in March 2018. The authors focus on discussing the issues of wars and revolutions as the context for the destruction of continental empires, of continuity and disruptions within imperial spaces, of the relationship between national and imperial identities as well as the export of ideas and political strategies during the state systems' transformation process.

The contributors look at the collapse of four multi-national empires — the Austro-Hungarian, Russian, and Ottoman — through the lens of various factors — domestic and international, subjective and objective, predictable and unanticipated. Furthermore, the authors reflect on aspects related to Russia's entrapment in the war after the February Revolution, the Bolshevik's decision to end Russia's participation in the war and sign the treaty of Brest-Litovsk, the West's "New Russian Policy", which remain central to investigating the final stage of World War I. In the issue the post-war settlement of Europe and the new principles of international relations in connection with formation of permanent conflict zones as well as Woodrow Wilson's program of the world's peace are discussed.

The Russian State University for the Humanities international conference and the presented proceedings demonstrated a variety of approaches in studying different aspects of World War I in modern Russian and world historiography. It denotes the necessity of analyzing geopolitical, socio-cultural, and economic implications of this world conflict based on the achievements of national schools of historiography, using new sources and interdisciplinary research practices.

Keywords: the First World War, the collapse of empires, Russian revolution, export of revolution, post-war settlement, Woodrow Wilson's Fourteen Points, the Russian Empire, the Austro-Hungarian Empire, the German Empire, the Ottoman Empire.

Первая мировая война изменила политическую карту Европы, привела к распаду многонациональных империй и одномоментному появлению новых государств, расширила число участников мировой политики за счет США и Японии. Выработанные победителями условия послевоенного мира не смогли гарантировать международную безопасность, несмотря на формирование Лиги наций. Произошедшие изменения привели к появлению качественно новых проблем.

Их опыта решения ни у европейских государств, ни у Советской России, ни тем более у США не было. И справиться с ними за отпущенные историей 20 мирных лет никто не сумел.

Прошло уже более века с момента окончания Первой мировой войны. Но ее причины, ход и последствия по-прежнему остаются предметом напряженных историографических дискуссий. Это происходит потому, что они связаны не только с национальной историей и исторической памятью, но и с современным общественно-политическим дискурсом и воспитанием патриотизма. Система нравственных и гражданских ценностей, которую формирует любое общество, подвержена внутрисполитическим и международным процессам, столь же болезненными, как и тогда, когда Первая мировая война заканчивалась, а страны-победительницы подписывали мирные договоры с побежденными государствами.

В тематический номер журнала вошли статьи, подготовленные участниками международной научной конференции, проходившей в РГГУ в марте 2018 г. и приуроченной к окончанию Первой мировой войны. В центре внимания оказались вопросы, на которые каждое поколение историков пытается дать свои версии ответов: войны и революции как факторы разрушения континентальных и колониальных империй, преемственность и разрывы в многосоставных имперских пространствах, соотношение национальной и имперской идентичности, экспорт и рецепция идей и политических стратегий в процессе трансформации государственного устройства.

В ходе работы конференции обозначились новые тематические приоритеты и методологические подходы в изучении итогов Первой мировой войны и послевоенного международного порядка с учетом внутри- и внешнеполитических европейских контекстов, а также американского проекта мироустройства.

В результате Первой мировой войны и революций прекратили свое существование четыре империи: Австро-Венгерская, Российская, Германская и Османская, составлявшие каркас прежней системы международных отношений. Каждая из них находилась на разных стадиях трансформации имперского унитарного государства в парламентскую монархию. Каждая представляла особый исторический опыт межнационального, межконфессионального и общегражданского консенсуса. В каждой процессы модернизации имели незавершенный характер, но затрагивали социальные слои с разной степенью глубины. Первые разделы номера посвящены изучению социальных, политических, национальных и экономических процессов, которые изнутри видоизменяли традиционную имперскую структуру.

Авторов *первого раздела* интересовали дискуссионные вопросы, связанные с распадом Австро-Венгерской империи. Прежде всего проблема его закономерности, рассмотренная с учетом внутренних и внешних факторов. В текстах нашли отражение такие процессы, как резкое ухудшение условий жизни, последствия военных мер для солдат и гражданских лиц, укрепление национального сепаратизма, а также влияние Русской революции, вступления США в войну, антигабсбургской политики союзников в 1918 г. на разрастание кризиса власти.

Объектом академической рефлексии стала чисто габсбургская специфика. Во-первых, изначальная гетерогенность многонациональной империи Габсбургов, внутренние конфликты между государством и этносоциальными общностями, противоречия между полноправными и не вполне или полностью неполноправными народами. Во-вторых, вопрос о формировании национальных идентичностей входивших в Австро-Венгерскую империю народов, представленный с учетом конфликта центростремительной и центробежной тенденций при отсутствии межэтнических и социально-политических интеграционных процессов. В-третьих, проблема экспорта революции из России в Габсбургскую

империю и изучение последствий революционного трансфера для последующей истории Австрии.

Авторы статей первого раздела отмечали несовершенства Версальской системы послевоенного устройства Европы, следствием чего стала дискриминация национальных меньшинств, вошедших в состав новых и старых государственных образований, а также формирование зон перманентной конфликтности. К ним, например, относился Трансильванский спор между Венгрией и Румынией, равно как и национальные движения немцев на территории Польши, где они становились объектом политики насильственной полонизации, что было использовано нацистской Германией.

Проблемное поле *второго раздела*, посвященного распаду Российской империи под влиянием внутренних вызовов и внешних угроз, формируется прежде всего за счет рассмотрения дезинтеграционных процессов, охвативших Россию после Февральской и Октябрьской революций. В исследовательском фокусе оказалось положение религиозно-национальных меньшинств, в частности мусульман, в среде которых получили распространение идеи панисламизма, пантюркизма и туркофильства, а также Бессарабский вопрос. Бессарабия в тот момент стала объектом притязаний Румынии, осуществившей свой план по ее присоединению при попустительстве западных держав, заинтересованных в борьбе румын против Советской России. При кажущейся однозначности, вопрос о включении Бессарабии в состав Румынии остается предметом напряженных споров между историками различных стран, что вызывает необходимость его рассмотрения на основе новых источников.

Кроме того, в фокусе внимания авторов данного раздела оказались аспекты, связанные с удержанием России в войне после Февральской революции, с решением большевиков о ее выходе из военных действий и заключении Брестского мира, которые остаются центральными при изучении завершающего этапа Первой мировой войны. Франция, Великобритания и США развернули энергичные пропагандистские кампании на территории России, вложив немало средств в популяризацию идеи войны до победного конца. Но эту борьбу они проиграли Германии. Изучение новых архивных материалов, в том числе связанных с пропагандистской деятельностью не только дипломатов, но и представителей различных французских, английских и американских миссий на территории России между Февралем и Октябрем, позволяет лучше понять цели тех стран, которым вскоре предстояло стать архитекторами послевоенного устройства мира, выявить соотношение внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на сближение большевистской России и Германии.

Подписание мирного договора в Брест-Литовске по-разному оценивается в современной российской и немецкой историографии, поскольку его последствия оказались противоречивыми и неоднозначными. С одной стороны, он закрепил образование на территории России «независимых государств», с другой — вместо всеобщего демократического мира, провозглашенного большевиками, навязал мир несправедливый и грабительский. Германия выиграла войну на Восточном фронте, что позволило ей продолжать ее на Западном. Однако революция в России придала импульс революции в Германии, что привело к исчезновению самой Германской империи и отмене статей сепаратного мира. Историки будут продолжать спорить о его последствиях для судеб России и всего мира, учитывая тот факт, что до сих пор этот вопрос не стал предметом чисто академического исследования, как и политика Великобритании, Франции и США в отношении Советской России на начальном этапе Гражданской войны.

Начавшаяся в 1918 г. Гражданская война вынудила западные демократии озадачиться выработкой новой политики на российском направлении. Как показывают

новейшие исследования, в этот момент еще сохранялась возможность для альтернативных сценариев, будь то восстановление союзнических отношений перед лицом продолжавшейся германо-австрийской агрессии или прагматическое сотрудничество по отдельным вопросам. Однако было выбрано полномасштабное вооруженное вмешательство в дела Советской России на стороне антибольшевистских сил, обещавших реанимировать Восточный фронт любой ценой, что предопределило затяжной характер Гражданской войны. Каково в этом случае было соотношение объективных и субъективных факторов, закономерностей и случайностей — вопрос по-прежнему открытый.

Изменения, происходившие в колониальном пространстве под влиянием Первой мировой войны и связанные не только с новыми тенденциями во внутриимперской политике Великобритании, но и с превращением бывших полуколониальных стран в независимые национальные государства и равноправных региональных игроков, свидетельствовали о начавшихся подвижках в международных отношениях на уровне центр — периферия. По мнению исследователей, ставших авторами статей *третьего раздела*, они были следствием как войны, так и договоренностей о послевоенном устройстве мира, выработанных на Парижской мирной конференции.

Тон этой дискуссии задавала вильсоновская программа мира, чему посвящен *четвертый раздел* номера. В глазах европейских народов, стремившихся к национальной независимости, США, не запятнанные тайной дипломатией, стали основным моральным авторитетом. Именно с Вудро Вильсоном, принстонским профессором и идеалистом, они теперь связывали свои надежды на скорый и справедливый мир, а не имевшие собственной государственности народы — на ее обретение. Хотя подобное право американский президент первоначально признавал только за поляками.

Обосновывая вступление США в войну вскоре после Февральской революции в России, Вильсон апеллировал к борьбе за демократию, за права и свободы малых народов и всеобщее господство права, что должно было, по его мнению, стать залогом последующего мира и безопасности. Так начало формироваться направление либерально-демократического интернационализма или вильсонизма (вильсонизма) во внешней политике США, ориентированное на понимание их ответственности за судьбы демократии во всем мире, что впоследствии будет приводить к многочисленным «крестовым походам» по ее защите. Как справедливо подчеркивают авторы, «14 пунктов» Вильсона стали американской концепцией послевоенного устройства мира с учетом роли США в процессе его демократизации, а в программе, предложенной Вильсоном странам и народам, воплотились его религиозный мессианизм, идеализм и вера в американскую исключительность.

Однако при этом важно не забывать, что между двумя теоретическими школами и практиками внешнеполитического поведения США — идеализмом, у истоков которого стоял Вудро Вильсон, и реализмом, родоначальником которого по праву считают Теодора Рузвельта, — есть принципиальное сходство. Это уверенность в морально-этическом превосходстве США и их праве на мировое лидерство. Расхождения сводятся к способам реализации этой веры. Вот почему можно смело утверждать, что большинство американских президентов в той или иной степени были вильсонизмами, равно как и обе американские партии придерживались вильсонизма в своей внешнеполитической стратегии. Таким образом, Вильсон, потерпев поражение в вопросе о Лиге наций и в создании системы международной безопасности, одержал впечатляющую победу в формировании природы внешней политики США.

Одним из основных испытаний его программы нового мироустройства был «русский вопрос», о чем также идет речь на страницах четвертого раздела. На завершающем этапе Первой мировой войны Вильсон оказался перед альтернативой выбора политики в отношении России. Исследователи по обе стороны Атлантики продолжают спорить, что помешало американскому президенту наладить диалог с большевиками после их прихода к власти; чем объяснялась сдержанность вильсоновской администрации в осуществлении поддержки антибольшевистских сил и где пролегла граница допустимого вмешательства США в «русские дела»; насколько опасения «большевистской экспансии» на Запад оказывали влияние на процесс принятия внешнеполитических решений в Вашингтоне; почему Вильсон, игравший ключевую роль в подготовке принципиальных решений Парижской мирной конференции, включая «русский вопрос», проиграл битву за справедливый, либеральный миропорядок своим более изощренным и консервативным европейским оппонентам.

Многообразие подходов к изучению различных аспектов Первой мировой войны в современной российской и зарубежной историографии, о чем говорили участники международной конференции и о чем пишут авторы публикаций, вошедших в *пятый раздел* номера, свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения геополитических, социокультурных и экономических последствий мирового конфликта начала XX в. с учетом новых источников и исследовательских практик.

Данная проблематика была и остается предметом академической рефлексии исследователей, представляющих различные национальные историографические школы, что позволяет надеяться на формирование качественно нового знания о переломных событиях вековой давности, не потерявших своей актуальности вплоть до настоящего времени.